

КАТЕГОРИЯ «ГРАНИЦА» КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП ИНДИВИДУАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Н.С. Ильюшенко,
Институт философии НАН Беларуси, г. Минск

Проблема самосознания является одной из наиболее традиционных и одновременно наиболее сложных проблем философии. Вопрос о природе способности человека отдавать себе отчет в факте собственного бытия и на этом основании выводить некоторое «знание» себя как «относительно устойчивой, тождественной самой себе целостности»¹ и по сей день принадлежит ряду «вечных вопросов» философии, порождающих разнообразие интерпретаций и альтернативных точек зрения. Не претендуя на окончательную разгадку тайны самосознания, в данной статье ставится задача конкретизации проблемы индивидуального самосознания посредством выявления конституирующего статуса категории «граница».

Для обыденного сознания, как, впрочем, и для большинства мыслителей классической философии, проблема самосознания всегда ассоциировалась с проблемой самопознания. Но что значит познать себя? Известная мудрость гласит, что все познается в сравнении. Процедура сравнения предполагает сопоставление предметов или явлений между собой так, что становится возможным выделение какого-то одного предмета из множества окружающих его предметов и в результате его определение как обладающего специфическими свойствами и характерными чертами. Познание себя также предполагает такое сопоставление, выделение из многообразия прочих вещей, определение себя в качестве уникального, непохожего, «другого», «иного».

Выделение себя из нашего окружения и определение себя в нем предполагают проведение границ. Только в проведении границ между «Я» и «не-Я» и оказывается возможным постижение и раскрытие собственной специфичности и неповторимости, т. е. формирование собственного образа себя. Но что же представляет собой такая процедура установления границ между «Я» и «не-Я», посредством которой только и становится возможным определение себя в качестве уникальной, самотождественной личности? Ведь именно от того, каким образом мы зададим понимание границы и процедур ее установления, будет зависеть и понимание природы самосознания, особенностей его функционирования.

При самом поверхностном знакомстве со случаями употребления категории «граница» в западной философии бросается в глаза его многозначность и широта употребления. Несмотря на то что в истории философии данный термин часто выступает в роли объяснительного принципа, применяемого при обосновании различных философских положений и концепций, очевидно, что сам он нуждается в прояснении,

поскольку, не будучи промыслен должным образом, способен инициировать интерпретации, вводящие в заблуждение.

Исторически первое разъяснение понятия «граница» в западной философии принадлежит натурфилософам: Анаксимандру и Гераклиту. В их рассуждениях осмысление проблемы границы происходило в контексте размышлений о мере, пределе, середине, конечном и бесконечном в структуре бытия. Однако серьезная теоретическая разработка данного термина впервые была осуществлена в работах Аристотеля, где осмысление категории границы происходило в связи с основными онтологическими принципами аристотелевской метафизики. Понимание границы Аристотелем наложило серьезный отпечаток на трактовку данного понятия во всей классической философии и потому требует более подробного описания.

Реконструируя основные положения метафизики Аристотеля, необходимо отметить, что категория бытия — центральная категория его философской системы — осмыслялась в ее противоположности категории небытия. Бытие противопоставлялось небытию как определенность мира — его нерасчлененности, непроясненности. Фиксация бытия любой вещи предполагала ее определение посредством проведения границы между самой этой вещью как единично и актуально существующей и всем тем разнообразием бесконечно многого, что оказывается возможным лишь потенциально, но реально не существует, не присуще данной конкретной вещи, не явлено в ней. Фиксация бытия вещи также предполагала выявление ее сущности. Выявлению сущности призван был служить категориальный анализ сущего, охватывающий основные роды или разряды бытия. То, что не поддавалось категориальному охвату, определению, согласно Аристотелю, следовало относить к беспредельному, неопределенно многому, т. е. к небытию. Основной категорией, в которой происходила фиксация бытия в ее отграниченности от небытия, выступала категория субстанции, которая понималась также как суть вещи, ее субстрат и род. Категория субстанции в философской системе Аристотеля выступала главной категорией, остальные рассматривались в качестве ее акциденций. Среди наиболее значимых характеристик субстанции Аристотель называл ее оформленность, целостность, постоянство, самодостаточность. Субстанция трактовалась также как начало и причина, как цель и смысл всякой вещи. Определение вещи и того, что ей присуще, подразумевало соотнесение ее как частного случая с высшими родами бытия и в конечном счете, с некоторой предельно общей субстанциальной основой, к которой она относится как вид к роду. Именно благодаря своей субстанциальной природе вещь обладает способностью к пространственной локализации — определенности своего места в структуре космоса.

Все сказанное задает в философии Аристотеля следующее понимание феномена границы. Граница, согласно определению Аристотеля, есть «то первое, вне которого нельзя найти ни одной его части, и то первое, внутри которого находятся все его части; всякие очертания величины или того, что имеет величину; цель каждой вещи; сущность каждой вещи и суть ее бытия,

ибо суть бытия вещи — предел познания [вещи], а если предел познания, то и предмета»². Из данного определения следует, что граница, понимаемая как некоторый предел, во-первых, обнаруживает целостность, замкнутость предмета «самого в себе», «внутри которого находятся все его части», а во-вторых, она есть граница «объемлющего тела», в которой фиксируется ограниченность этого тела определенным местоположением, что инициирует пространственную трактовку исследуемого понятия и связывает его с категорией места. То есть Аристотель трактует границу двояко, обнаруживая ее парадоксальность: как внутреннюю сущность вещи, заданную единством ее частей, и как внешнюю ее ограниченность, посредством которой происходит фиксация ее положения в пространстве.

В первом случае понимание границы как «сути бытия вещи», тела «самого в себе», совпадает с понятием формы, которая определяется Аристотелем как «природа» и «сущность» вещи. В случае понимания границы как границы «объемлющего его тела» или места предмета, и которое связано с обнаружением «начала», «края», «конца» всякой вещи, не может трактоваться как форма, в собственном смысле этого слова, но лишь определяться как момент формы, ее подобие. Место не является собственно формой, аргументирует Аристотель, поскольку без формы предмет перестает быть самим собой, а место предмету не принадлежит. Из аристотелевской дефиниции также следует, что без полагания границы невозможно обнаружение смысла, цели бытия вещи, поскольку всякая «конечная цель есть предел»³.

Понимание границы как предела, задающего пространственную мерность вещи, в которой эта вещь как целое охватывает себя, замыкается в своей целостности, совпадает сама с собой, может быть условно названо классическим, поскольку является характерным не только для Аристотеля, но и для большинства представителей западной философии, так или иначе обращающихся к метафизическим построениям древнегреческого философа. Ориген и Фома Аквинский также использовали данное понятие для определения сути вещей. И. Кант, размышляя о природе познавательной активности человека, отмечал, что выделение границы есть результат процедуры ограничения. «Вещь сама по себе» непознаваема, но, выступая как граница, т.е. как ограничение, она делает возможным познание мира явлений⁴. Г. Гегель также связывал сущность границы с различением одного качества предмета от других его качеств. Данное понимание границы в западной философии задавало и особую трактовку природы самосознания.

Самосознание, подобно границе, может быть осмыслено как предел, дальше которого мое «Я» простираться не может и в котором, как в определенном «месте», локализовано все то, что я отношу к себе, признаю своим в качестве своих частей и характеристик. Импульсом к формированию самосознания в таком случае выступает помещенность физического тела в определенное пространство, место. Установление границ своего тела, как контура себя, помогает человеку отделить себя от других предметов.

Если самосознание, как и границу, понимать субстанциально, то оно будет представляться в качестве замкнутой внутри себя сущности, которую человек должен обнаружить, раскрыть в себе. Эту сущность следует понимать как «подлинную», скрытую «внутри» как находящееся «в» человеке и со всех сторон окруженное границей, отделяющей меня от того, что мной не является. Одновременно наличие этой внутренней сущности или изначальной субстанции, благодаря которой существует мое «Я», приводит к трактовке самосознания как того, что изначально обуславливает все мои проявления в мире и задает связность всех отдельных моментов моего бытия.

Классическая трактовка границы инициирует понимание самосознания как «начала», «цели» и «конца» человеческого бытия. Именно с познанием того, кт. е. «Я», с раскрытием собственной «сущности» (как выстраивания границ себя) связываются надежды на постижение смысла своего бытия. При этом определение себя (ограничение) выстраивается по принципу соотнесения себя как частного к общему, посредством вписывания себя в определенный род. Например, определение себя может осуществляться через соотнесение себя с профессией, деятельностью, классом, идеей и т.д.

Несмотря на то что описанное выше понимание границы и, следовательно, самосознания в истории западной философии было весьма распространено, оно полностью обусловлено той онтологической моделью, в рамках которой было сформировано. Прежде всего, классическая трактовка границы, основанная на признании ее субстанциального основания, не может объяснить парадоксальность границ, а также парадоксальность феномена самосознания.

Парадоксальность границы обусловлена ее промежуточным статусом, который заключается в том, что граница по своей сущности есть стык бытия и небытия, внутреннего и внешнего, количественного и качественного, своего и иного, моего и чужого, известного и неизвестного. В отношении к проблеме самосознания эта парадоксальность проявляется в том, что человек осознает себя как «Я», разделяя и противопоставляя себя как иного, непохожего на других. Но, очевидно, что абсолютное отмежевание от «другого» лишает индивида возможности идентифицировать себя вообще. Самосознание должно включать в себя «другое», но субстанциальное понимание границы как четко прочерченной линии, разделяющей «Я» и «не-Я», не дает понимания того, как осуществляется процедура соотнесения меня и иного как противоположного мне.

Другой проблемой при данном понимании феноменов границы и самосознания выступает вопрос самоидентичности. В данной парадигме «Я» мыслится как равная самой себе в любой момент времени сущность. И конечно, без способности ощущать, что «я вчерашний» — это тот же самый «я сегодняшний», никакое самосознание не было бы возможным. Но в действительности «Я» никогда не бывает абсолютно тождественно себе. Решить эту проблему, оставаясь на позициях классического субстанциального понимания границы и самосознания, оказывается затруднительно, поскольку, будучи схваченным как субстанция, самосознание

трактуются как нечто неизменное, константное и не предполагает своего рассмотрения в качестве явления динамического или процессуального.

Для преодоления этих затруднений видится необходимым пересмотреть трактовку феномена границы и как следствие определить возможные направления переинтерпретации категории самосознания.

В качестве эффективного методологического средства осмысления может рассматриваться метод деконструкции Ж. Деррида. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить разбору вводимой им категории *differance* — «различение».

Одна из причин, позволяющих считать применение принципа деконструкции к исследованию феномена границы и проблемы самосознания плодотворным, заключается в том, что, как известно, деконструкция подразумевает разрушение уже сложившихся в той или иной традиции стереотипов и включение исследуемой проблемы в новый контекст. Именно в таком переосмыслении и пересмотре нуждается уже устоявшееся в западной философии видение феномена границы. Важно помнить, что деконструкция не есть тотальное разрушение сложившегося, традиционного видения проблемы (в этом его отличие от «деструкции»). Ее применение направлено на дополнение, расширение имеющегося понимания. Метод деконструкции специально разрабатывался философом для исследования противоречивых и сложных феноменов, к которым и относятся явления границы и самосознания.

Категория «*differance*» как «различение» не совпадает по смыслу с понятиями «отличение», «разделение», прежде всего потому что акцент в нем делается исключительно на его процессуальном характере. Ж. Деррида пишет: «различение» — есть «производство системы различий»⁵.

Процессуальность «*differance*» обеспечивается тем, что в «различении» осуществляется не столько функция разделения, сколько связывания. Процесс — есть то, что соединяет две свои стороны. Таким образом, «различение» возможно только как взаимодействие различаемого, как само производство различий, их обнаружение в каждый момент времени. Другими словами, «различение» — это не просто уничтожение или примирение противоположностей, но их одновременное сосуществование в подвижных рамках процесса дифференциации.

Если анализировать категорию «граница» с точки зрения производства ею такого «различающего связывания», то тогда она должна быть осмыслена не как разделительная линия, замыкающая в себе сущность определяемого предмета или явления, но как то, что обеспечивает «стягивание» двух сущностей, то, что высвечивает в них их природу, таким образом, что две стороны процесса оказываются соотнесенными друг с другом без необходимости быть включенными в один общий род в качестве его видов.

При анализе проблемы самосознания, понимаемого как установление границы между «Я» и «не-Я», необходимо сделать акцент на конституирующей роли этой границы, которая не противопоставляет меня и мир, находящиеся по разные стороны границы, но формирует их в этой

взаимосоотнесенности. Таким образом, в данном понимании самосознания снимается противоречие «внутреннего» и «внешнего». «Сущность» «Я» не связывается с «внутренним», поскольку она заключается в осуществлении самого процесса различения.

Такая трактовка самосознания задает его понимание не только как пространственного, топологического явления, но настаивает на его рассмотрении в качестве пространственно-временного континуума, где процесс, изменчивость, динамика также играют значительную роль.

В заключении необходимо сказать, что методология деконструктивизма, несмотря на то, что она позволяет отвлечься от традиционного рассмотрения проблемы самосознания, сама является не достаточно проясненной и нуждается в уточнении своих оснований.

Примечания

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000-2001.

² Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1, ч. 1. М.: Мысль, 1969. 576 с.

³ Аристотель. «Метафизика», II 2.

⁴ Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1965. С. 69-211.

⁵ Derrida J. Positions. — Р., 1972. — 136 p. — С. 40.